

580557

ДОКЪ

ОПЕРАЦИИ
ГЕРМАНО-ТУРЕЦКИХ
МОРСКИХ СИЛ
В 1914-1918 гг.

580557

БИБЛИОТЕКА
КОМАНДИРА

ДОРЕМ

ОПЕРАЦИИ
ТЕРМАНО-
БУРЕНАХ
МОРСКИХ СИЛ
В 1914-1915 гг.

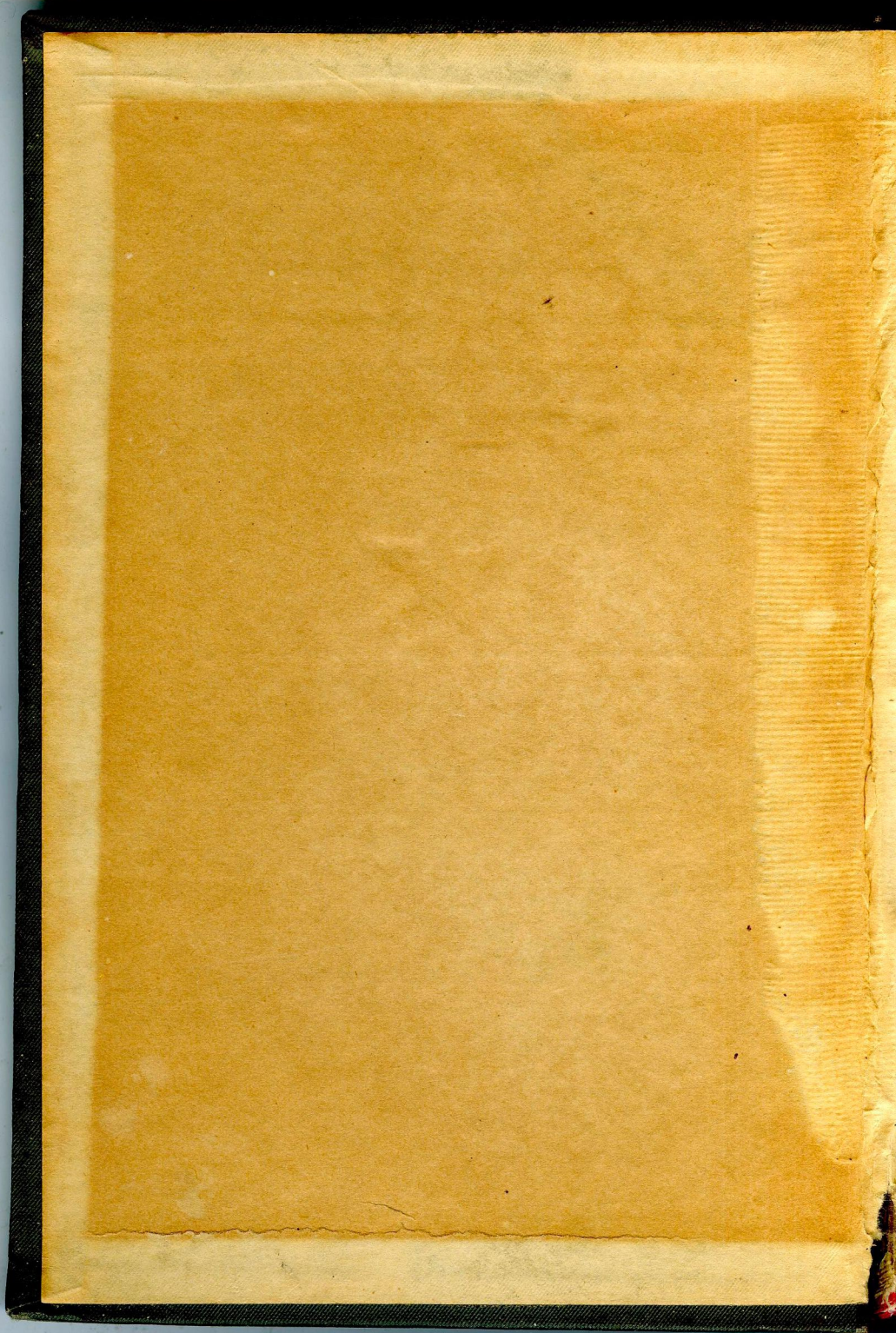
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СССР

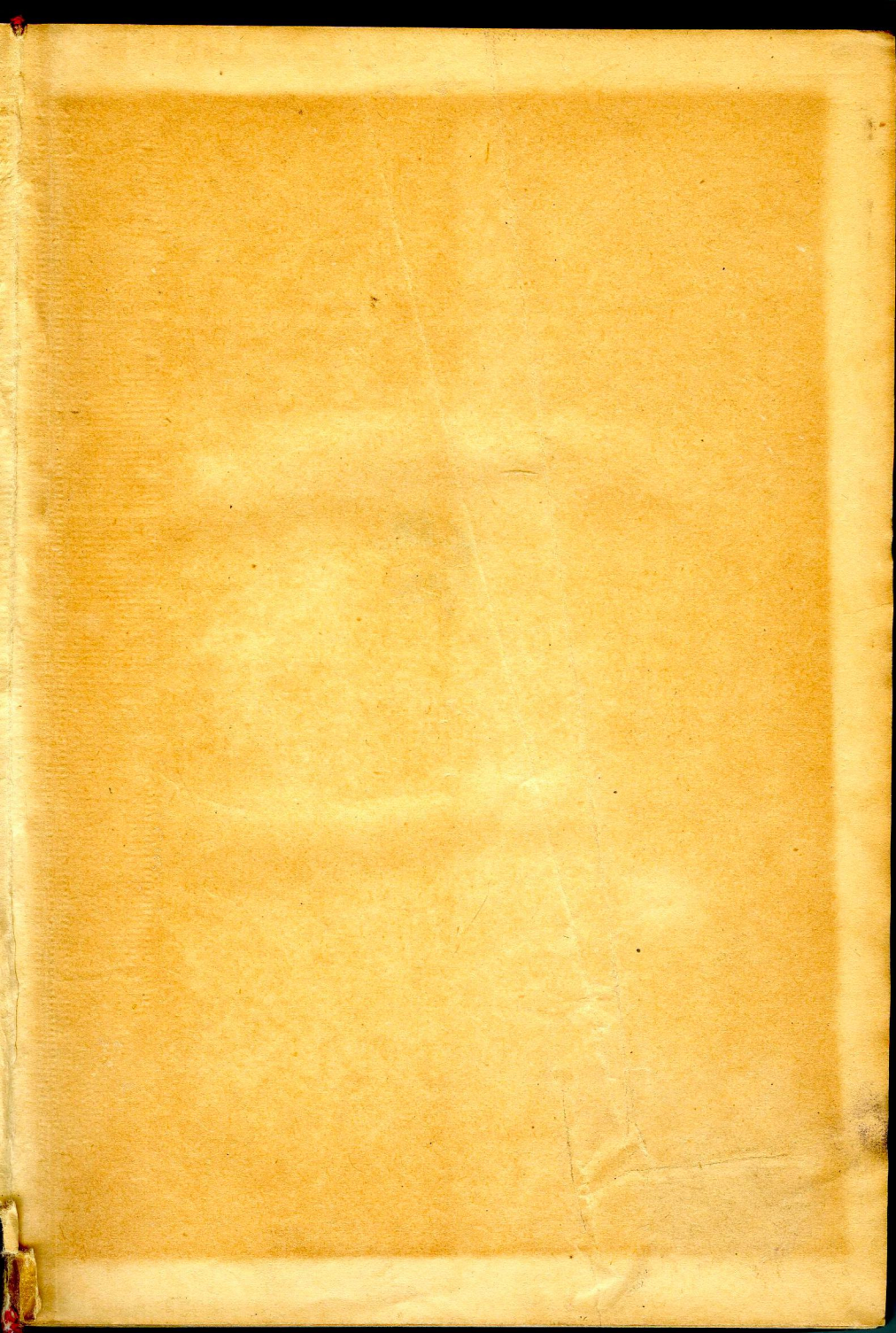
V.N. Karazin Kharkiv National University

00401893

9

DEUTSCHES
IN DEN TÜRKISCHEN
GEWÄSSERN

VERLAG VON
BOHNENSTADT
HAMBURG

VERLAG VON

DER KRIEG ZUR SEE 1914 — 1918

**DER KRIEG
IN DEN TÜRKISCHEN
GEWÄSSERN**

*Bearbeitet
von Hermann Lorey*

*Herausgegeben
vom Marine-Archiv*

BERLIN — 1928

355
120

Г. ЛОРЕЙ

**ОПЕРАЦИИ
ГЕРМАНО-ТУРЕЦКИХ
МОРСКИХ СИЛ
В 1914—1918 гг.**

Перевод с немецкого

К

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1938

Карты-схемы воспроизведены
с немецкого издания
без изменений

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

28 октября 1914 г. германо-турецкие военные корабли, имея приказ германского адмирала Сушона «энергично начать военные действия против России», «внезапно» и беспрепятственно подошли к русским берегам, обстреляли артиллерийским огнем Одессу, Новороссийск, Феодосию, Севастополь, потопили несколько судов, произвели разрушения и безнаказанно, без потерь вернулись в Босфор. Хорошую услугу этому налету оказала беспечность русского адмирала Эбергарда. Свидетелем налета «Гебена» на Севастополь являлся... весь русский Черноморский флот. Он стоял в бухтах Севастополя беспомощным и как бы посторонним созерцателем происходящего, так как в боевую готовность приведен не был, хотя о предстоящей войне с Турцией Эбергард, без сомнения, знал.

Характерно, что подход «Гебена» к Севастополю был своевременно обнаружен. Даже больше: «Гебен», обстреливая Севастополь, находился в зоне электрифицированного минного поля, однако, по непонятным причинам приказ о включении минного поля отдан не был.

В 4 ч. 45 м. после первой радиограммы: «Кубанец взорван, военный корабль ходит по одесской гавани и взрывает суда», Одесса радировала: «Война началась». Радиограммы подобного рода, летящие с берегов Черного моря в Петербург, правящая верхушка царской России читала не без удовольствия. И если здесь сообщения с юга вызвали вздох облегчения, то в Париже, и особенно в Лондоне, эти же радиограммы вызвали иные, далеко не благодушные, как в «дружественной» России, настроения. Правительства Англии и Франции, поставленные перед фактом открытия военных действий между Турцией и Россией, сочли за необходимость вмешаться, чтобы предотвратить эту войну. Различие откликов в Петербурге, Париже и Лондоне на бомбардировку черноморских городов России объясняется различием взглядов на место и значение Турции на азиатско-европейском материке и особенностями захватнических воцелений империалистических стран, объединившихся в Антанту.

Владения Турции издавна привлекали внимание «великих» стран Европы. В тиши министерских кабинетов Петербурга, Лондона, Парижа, Берлина все чаще и чаще возвращались к всестороннему подробному обдумыванию проектов раздела Оттоманской империи. Турецкий народ, не оправившийся после недавних тяжелых балканских войн, залечивал свои раны, не подозревая, что над его головой вновь заносится страшный меч новой войны и разорения. «Великие» империалистические державы Европы готовили удар против Турции за то, что она имела «неосторожность» исторически образоваться в таком географическом пространстве, вокруг кото-

рого разбушевались ненасытные аннексионистские страсти этих держав.

К владениям Турции протягивались щупальцы царской России, Англии, Германии. Свыше 150 лет самодержавную Россию волновала и беспокоила проблема проливов, за обладание которыми она с 1695 г. вела войны с Турцией. Однако, захватнические стремления России на ближнем востоке встречали активное противодействие со стороны Англии и Франции.

Англо-французские захватчики не могли допустить, чтобы на ближнем востоке рос и утверждался русский капитализм. Поэтому на путях проникновения последнего и вокруг проливов и Константинополя происходила непрерывающаяся и ожесточенная борьба.

Когда Англия и Россия, оказавшись к 1914 г. в одном «дружественном» лагере, вступили в войну с Германией и Австрией, борьба между ними за турецкие владения не была завершена.

В 1881 г. царское правительство вопреки Парижскому миру принимает обширную программу строительства Черноморского флота. Постройке подлежали 8 броненосцев, 3 крейсера II ранга, 20 миноносцев. Задачей предпринимаемых военно-морских мероприятий на Черном море являлась подготовка десанта в Босфор для захвата проливов и Константинополя. Уже в 1902 г. наличные части Одесского военного округа, предназначенные для этой операции, исчислялись в 94 тыс. чел. и предполагалось, что на 16-й день мобилизации у Босфора будет 160 тыс. Когда же в 1912 г. представилась возможность отправить русские войска в Константинополь, оказалось, что наличные средства для подъема десанта могли перебросить в Босфор только два корпуса, да и то в срок не менее чем в 2 месяца. Это показывает присущую царской России неповоротливость и несоответствие между аннексионистскими стремлениями и подготовкой средств к их осуществлению.

Министр иностранных дел Сазонов 23 ноября 1913 г. с горечью писал Николаю II, что на флот «тратятся многие сотни миллионов»¹, а практической пользы от этого никакой нет. Такая немощь Черноморского флота не могла не вызвать серьезного беспокойства у Сазонова, так как раздел Турции становился вопросом ближайшего будущего. Сазонов понимал, что в грабеже Турции полюбовных сделок не предвидится, что все претензии будут удовлетворяться только в соответствии с той силой, которой располагает претендент, а поэтому для Сазонова «скорое распадение Турции не может быть желанным». Объяснение этому простое: хотя военно-морские силы на Черном море и не обеспечивали стремление царской России «иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах», необходимо было не «допустить, чтобы в проливах утвердилась какая-либо другая сильная держава» вроде такого «наиболее опасного соперника, как Англия». Об этом же пи-

¹ В 1913/14 г. расходы на флот по сравнению с 1907/08 г. увеличились больше чем в 2,7 раза. Такого роста расходов не имела ни одна страна. Увеличение по тем же годам было: в Германии—в 1,6 раза, в Англии—1,3, во Франции—1,6.

сал Трубецкой (русский посланник в Белграде) 13—26 февраля 1915 г., что вопрос о проливах «для нас не только средство, но конечная цель, кою осмысливается вся грядущая война».

Поэтому Сазонов предложил такое усиление «военно-морских сил на Черном море, которое позволило бы нам в любую минуту предугадать занятие проливов всякою иною державою», причем захват проливов приурочивался к «общевропейскому осложнению». Военно-морские силы Черного моря к началу империалистической войны 1914—1918 гг. не могли обеспечить выполнения возлагаемых на них задач.

«Общевропейское осложнение» русские адмиралы приурочивали к 1918 г. К этому сроку предполагалось закончить программу военно-морского строительства на Черном море. К 1916 г. в строй должны были вступить 3 линкора, 5 миноносцев, 7 подводных лодок. К началу же войны Черноморский флот состоял из 5 броненосцев, 2 крейсеров, 20 миноносцев и 4 подводных лодок. Турецкий флот в 1914 г. имел 2 броненосца, 2 легких крейсера, 19 миноносцев. Кроме того, на верфях Англии готовились к спуску построенные для Турции 2 современных крейсера.

Если учесть, что русский флот был в основном устарелый, то станет очевидным, что мысль о десанте и захвате проливов была не более как авантюрой. К этому выводу пришли русские адмиралы только в 1914 г. Они признались, что «наши помыслы» направлены к тому, чтобы «занять Константинополь и проливы», то-есть «решить многовековой ближневосточный вопрос», для чего необходимо иметь «господство на море», а так как, «не имея на это, по крайней мере в начале войны, сил, Россия в 1914 г. принуждена ставить себе целью только оборону берегов». Таким образом, достаточно было на горизонте появиться миражу двух-трех новых турецких крейсеров, как русские адмиралы забились отбой, и весь план захвата Босфора обрекался на провал. А тут еще совершенно непредвиденно 10 августа 1914 г. в Босфор прибыли германские суда «Гебен» и «Бреслау».

В. И. Ленин подчеркивал, что империалистическая война 1914—1918 гг. вызвана столкновением «двух могущественнейших групп миллиардеров, англо-французской и немецкой, за передел мира». Переделу подлежала в частности Турция. Этого хотела англо-французская группа миллиардеров. Германская же группа «хочет отнять Турцию себе... а Россия ведет войну, чтобы ограбить Армению, Турцию, Галицию» (т. XX, стр. 42). Германским миллиардерам не улыбалось проектировавшееся разделение Турции. Их аппетиты нельзя было удовлетворить крохами от всеобщего дележа. Еще задолго до войны германский империализм развивал в Турции исключительную демагогию и обрабатывал общественное мнение в духе того, что Германия — друг мусульманских народов, поборник их культуры и защитник от посягательств врагов. Когда началась империалистическая война, для подкрепления убедительности своей духовной миссии в Турцию были направлены два современных военных корабля: «Гебен» и «Бреслау». Появление этих кораблей на Черном море и включение

их в состав турецкого военного флота делало последний сильнее русского флота.

Прорыв «Гебена» и «Бреслау» в Дарданеллы немцы окружают ореолом необычайной славы. Действительно: два военных судна идут из Мессины и обстреливают Филиппвиль и Бона, затем прорываются через Мессину и Малееас в Дарданеллы на виду и под дулами орудий англо-французских средиземноморских эскадр и уходят в проливы без потерь, повреждений и поломок — картина, захватывающая читателя, даже в изложении Лорен.

Если же попытаться заглянуть за полотно этой батальной картины, представится иное.

Трескотня английской прессы о безнаказанности прорыва «Гебена» и «Бреслау» была необычайной. На этой почве произошла целая перепалка между французскими и английскими газетами, искали виновных и бездействующих адмиралов. Шум поднялся невероятный, для успокоения которого было предпринято расследование и отдан под суд английский к.-адм. Трубридж. Но эти суровость и твердость мероприятий английского правительства имели назначением тщательно скрыть от любопытных глаз истинное положение дела.

Английское правительство не имело намерений препятствовать проходу германских судов в Дарданеллы, так как усиление турецкого флота на Черном море пропорционально ослабляло русский флот, а ослабление последнего делало невозможным русский десант в Босфор и захват Константинополя и проливов. С точки зрения английских захватчиков это самое лучшее, что можно было в так благоприятно создавшейся обстановке пожелать своему «союзнику» — царской России.

Развитие дальнейших событий показало, что английскому империализму ограничиваться подобной мерой пассивного характера, которая не обеспечивала Англии территориальных приобретений, а усиливала влияние Германии в Турции и на Балканах и превращала Турцию в финансового и военного вассала Германии, было нельзя, и что дополнительно требовались какие-то «радикальные» меры. Тогда появляется проект Дарданельской операции: для того чтобы предупредить русских, надо выбить из Дарданелл германо-турок. Отныне не происходило ни одного заседания совета министров и военного совета Англии, где не обсуждался бы вопрос о том, как провести Дарданельскую операцию и какими предложениями придать ей в глазах Франции и России значение «нового оперативного направления». Для этого были притянуты самые разнообразные аргументы: историческая аналогия успешного действия английской армии в Испании в условиях ее удаления от главного театра войны; позиционный характер боев на Западном фронте, не сулящий скорой развязки; срыв бельгийским королем плана операций на Зеебрюге и Остенде; вторжение турок в Египет; «тяжелое» положение русской армии на Кавказе; нейтралитет Италии, делающий невозможным наступление через Триест; отказ Греции наступать в Салониках; необходимость развернуть неограниченные человеческие запасы России и вооружить «русского гиганта» и т. д. и т. п. Словом, наилуч-

ший объект нападения... Дарданеллы. Только здесь, по словам Китченера, «мы могли достигнуть наибольших политических, экономических и финансовых результатов».

По принятому плану операция началась 19 февраля 1915 г. В этот день в 1807 г. был осуществлен прорыв через Дарданеллы английским адм. Дуквортом. Однако, дух Дукворта был определенно против своих более поздних, но менее способных английских адмиралов. Певец славы английского флота 1914—1918 гг. Корбетт о Дарданельской операции сделал такой прозаически-патриотический вывод: операция закончилась хотя и «неудачно, но доблестно». Вероятно, «неудачно» следует понимать так: великой морской державе и уму ее руководителей и адмиралов, несмотря на огромный материальный (в операции участвовало 18 линкоров, 12 крейсеров, 40 миноносцев, 12 подводных лодок) размах операции, оказалось не под силу организовать и преодолеть сопротивление и препятствия у входов в проливы. Что же касается «доблести», то к ней следует отнести: безрезультатную, бесцельную бомбардировку Дарданелл в 1914 г., для того чтобы напомнить общественному мнению Турции о могуществе британского флота; полнейшую неудачу прорыва в Дарданеллы в феврале 1915 г.; повторную неудачную попытку прорыва летом 1915 г.; третью грандиозную попытку прорыва судов, подкрепленных значительным десантом, осенью 1915 г., также окончившуюся провалом, и, наконец, полный отказ от всей операции, чтобы окончательно не оскандалиться и удержать «доблесть» флота на «добытых» успехах, ради которых выведено из строя и отправлено в пучины вод только одних линкоров около десятка.

В общем, «неудача» оказалась полнейшей политической и военной катастрофой. Англо-французскому флоту оказался не под силу захват проливов. В оперативно-тактическом отношении руководители допускали грубейшие ошибки: пренебрежение разведкой при прорыве, непродуманная организация десанта, отчего при высадке происходила неразбериха, перемешивание частей, высадка на второстепенных пунктах, пуганица мест высадки и т. д.; отсутствие взаимодействия и взаимопомощи между сухопутным (Гамильтон) и морским (Робрек) командованием и др. Потрясающая глупость всего этого предприятия была допущена в самом начале: морскому флоту поручили захватить проливы без сухопутных войск, единственным представителем которых являлись, пожалуй, только те... два батальона морской пехоты, которые были присланы на о. Лемнос. Правда, о посылке сухопутных войск разговора было более чем достаточно. Но Франция, озабоченная тем, что немецкие армии заняли значительную часть ее территории, естественно, не могла идти на участие в Дарданельской операции. Поэтому Жоффр, благодаря решительному протесту, добился от Англии оставления в распоряжении Западного фронта тех дивизий, о которых говорили английские министры.

«Штатские» английские министры, по словам Корбетта, «не были непосредственно озабочены затруднениями французского фронта», их тянуло в Дарданеллы, куда они были готовы отправить все

новые формирования, предназначенные во Францию. А так как в первый период Дарданельской операции им это не удалось, то выполнение всей операции было возложено только на флот.

В целом от начала операции до приказа прекратить ее (16 января 1916 г.) дарданельская операция наглядно показывает, как империалистические хищники ради осуществления своих захватнических целей, не считаясь ни с какими средствами, силами и соображениями, очертя голову предпринимают такие авантюры, как Дарданельская, сомнительность в успехе которой была очевидной.

Предпринимая операцию в Дарданеллах, Англия «согласовывала» ее не только с Францией, но и с Россией. Последней отводилась роль «содействия» общему успеху операции диверсиями морского флота у Босфора. Привлечение России к «содействию» не было искренним желанием Англии. Россия настойчиво тянулася к проливам и Константинополю. А так как требования России находили поддержку у Франции, то английские министры вынуждены были хотя бы частично, с оговорками, подбадривать русских захватчиков. В январе 1915 г. английский посол в Петербурге писал Сазонову, что «поведение Турции сделало неизбежным полное решение турецкого вопроса, включая вопрос о проливах и Константинополе, который должен быть разрешен в согласии с Россией. Разрешение этого вопроса может быть достигнуто, конечно, лишь после поражения Германии». Сазонов хотя и писал на это Бенкендорфу: «выразите Грею» «мою признательность», но «доверительно» добавлял, что «записка о проливах и Константинополе действительно более сдержанна в выражениях».

Все это относится к области дипломатической, а практически английские империалисты торопили своих адмиралов в Дарданеллы, совершенно не считаясь с тем, что 29-ю дивизию приходилось оставлять для Западного фронта. Несмотря на «твердость» политики английского кабинета, к ряду препятствий на пути к Дарданеллам прибавилось еще одно: Германия склоняла царскую Россию к заключению сепаратного мира, не возражая против притязаний ее на проливы. Учитывая все эти обстоятельства, Англия вынуждена была пригласить царскую Россию «содействовать» Дарданельской операции своим флотом. Вполне понятно, что при существовавших тогда взаимоотношениях между Россией и Англией по вопросам о проливах Россия, по существу, никакого «содействия» своим флотом операции не оказала. Какие настроения владели тогда правительственными кругами царской России, видно хотя бы по письму Трубецкого Сазонову, в котором указывалось, что участие союзников в захвате проливов вместе с Россией «прискорбно, ибо создает им опасные для нас права», и употреблять наши войска для производства диверсии «способствующей англо-французскому движению на Константинополь», нельзя. Настроение русских захватчиков было не оптимистическим! Война, которая должна была дать царской России турецкие владения, в разгаре — и вдруг Россию хотят упредить. Собственно в ходе войны царские министры из-за турецких владений переживали уже вторую «неприятность». Первая имела место в начале войны. Ее благоприятно

разрешили немцы 28 октября 1914 г. Когда царская Россия вступила в войну, ожидавшееся «общеевропейское осложнение» оказалось налицо и развязка с Османской империей казалась делом ближайших дней, турецкое правительство, к изумлению царских министров, устами Энвер-паши 27.7 (9.8) 1914 г. заявило, что «стоит за союз с Россией». Такой оборот событий в Турции для русского империализма был неприемлем. Царская Россия хотела видеть Турцию в лагере своих противников. Из этой беды царскую Россию выручила необузданная агрессия Германии.

Понимали в Германии или нет сложность противоречий внутри Антанты вокруг турецких владений, но во всяком случае привлечение Турции на свою сторону имело крупные политические результаты. Борьба за турецкие владения между Англией и Россией принимала более острый характер. Форму и результат этой борьбы предвидеть было трудно, имея в виду, что на уступки ни одна из стран идти не собиралась.

С появлением перед турецкой столицей «Гебена» и «Бреслау», немцы развили лихорадочную деятельность по вовлечению Турции в войну.

Грубые, основанные на силе оружия, солдатские методы убеждения Турции Германией достаточно известны. Даже Лорей не может не упомянуть про них, преподнося это под видом исключения. Он говорит, что «цель достигалась всеми возможными способами убеждения, в иных случаях даже угрозами».

С прибытием Сушона и «назначением» его командующим турецким военно-морским флотом развернулась лихорадочная работа по германизации турецких военно-морских сил: все важные командные, а потом и специальные и второстепенные должности флота замещались германскими офицерами и специалистами. Это было необходимо не столько для «поднятия боевой готовности флота», как пишет Лорей, сколько для того, чтобы флот мог беспрекословно выполнить волю Сушона, которого из Берлина подталкивали на ускорение вступления в войну Турции против России и создания для этого соответствующего повода («Сушон, вопреки упорному сопротивлению со стороны (турецкого) кабинета, — пишет Лорей, — «предпринимал походы в Черное море», «требовал гарантий» у визиря для обеспечения свободы в своих действиях и, наконец, «решил действовать на свою ответственность», результатом чего и явилось нападение германо-турецкого флота на русские черноморские города 28 октября 1914 г., что и положило начало открытым военным действиям на Черном море.

Лорей, описывая боевые действия на Черном море, освещает их достаточно подробно и последовательно, главным образом, германо-турецкую сторону, часто отступая от объективности изложения к тенденциозности, которая вообще присуща военным писателям Германии. В частности, Лорей расточает незаслуженно много похвал германскому командованию и офицерству, благодаря чему турецких руководителей и командиров в боевых действиях совсем не видно. А о том, что турецкое офицерство было не таким уж плохим, видно по полному решимости, отваги и настойчивости действиям командира-турка миноносца «Султан Хиссар».

По описанию даже Лорея германо-турецкие морские силы под немецким руководством имели существенные недостатки: невысокое качество штурманской службы, отчего происходили частые случаи «сноса» флота с правильного направления; запущенное состояние машинного хозяйства; невысокий уровень владения торпедными аппаратами; бесцельное плавание крейсирующих судов и т. п. «частности». Что же касается оперативного управления, то оно полностью проявило себя в атаке 20 января 1918 г. на английские корабли в бухте о. Имбрэс: «Бреслау» подрывался на мине и затонул, а «Гебен» после двукратного подрыва на минах наскочил на Нагарскую банку.

В целом действия германо-турецких морских сил особой оригинальностью не отличались. То же самое можно сказать и про русский Черноморский флот. Русские адмиралы в борьбе с германо-турецким флотом не только не обладали волей и стремлением к победе, но даже не умели использовать благоприятные случаи для нанесения ему удара. За это лучше всего говорят две встречи русского флота с «Гебеном»: 4 июля 1916 г. и 18 ноября 1914 г., во время которых русский флот мог без особых усилий вывести «Гебен» из строя. Командование русским флотом к своим обязанностям относилось с преступной халатностью и беспечностью; об этом говорит хотя бы гибель в Севастопольской бухте только что вступившего в строй нового линкора «Императрица Мария».

После заключения Брестского мира, когда Эйхгорн «завоевывал» Украину и Кавказ, вице-адмирал Гопман выполнял задачу превращения Черного моря во внутреннее немецкое море. Для этого надо было захватить или уничтожить русский Черноморский флот и захватить русские порты.

Известно, чем окончилась немецкая интервенция. Немецкие интервенты под ударами отрядов Красной Армии вынуждены были увести свои революционизирующие войска с захваченной советской земли. Дни борьбы пролетарской революции с немецкими захватчиками полны героизма и самопожертвования. Незабываемая картина в эти дни происходила на Черном море. По приказу Ленина революционные черноморцы своими собственными руками ради спасения революции потопили флот. Немецким захватчикам не удалось отнять у революции военные корабли Черного моря.

Германия и втянувшая ею в войну Турция были побеждены. 24 июля 1923 г. державы-победительницы заставили Турцию в Лозанне подписать соглашение, по которому 20-километровая зона Дарданелл и Босфора и острова Мраморного и Эгейского морей демилитаризовались, гарнизон Стамбула ограничивался 12 тыс. бойцов. В этом положении Турция находилась до 1933 г., когда в июле месяце на конференции в Монтре была пересмотрена лозаннская конвенция. На конференции в Монтре решающей победы добилась делегация СССР; там были подписаны такие документы, которые обеспечили суверенитет и безопасность Турции, ограничили свободу действий агрессоров. СССР на основании решения конференции в Монтре получил для своего военно-морского флота право свободного прохода через проливы.

ОТ АВТОРА

Труд «Война в турецких водах, т. I, Средиземноморская дивизия» описывает деятельность морских сил, действовавших под турецким флагом и бывших в подчинении германо-турецкого морского командования, находившегося на крейсере *Гебен*. Следующий том под заглавием «Das Sonderkommando» («Особый отряд») будет посвящен береговой обороне Дарданелл и Босфора, которою руководило специальное береговое командование.

Линейный крейсер *Гебен* (*Goeben*) и крейсер *Бреслау* (*Breslau*), составлявшие перед войной германскую Средиземноморскую дивизию, уже в середине августа 1914 г., имея попрежнему германский личный состав, подняли под новыми наименованиями *Явуз-Султан Селим* и *Мидилли* турецкие флаги и с этого момента составляли основное ядро турецкого флота.

В Германии сравнительно мало известно о боевой деятельности обоих крейсеров и турецких кораблей, хотя достижения *Гебена* и *Бреслау* стоят на чрезвычайно большой высоте и значительно превосходили действия крейсеров на главном морском театре в отношении частоты и продолжительности боевых походов и боевых столкновений с неприятелем. Прорыв *Гебена* и *Бреслау* из Мессины в Дарданеллы в свое время вызвал в Германии чувства радости и гордости, но затем был отнесен на задний план одновременными крупными победами германской армии. Наши противники были чрезвычайно смущены и озабочены прибытием германских крейсеров в Константинополь. Германия тем самым немедленно получила на Ближнем Востоке превосходство в силах над своими противниками, а еще через 2 месяца благодаря неукротимой, планомерной и полной инициативы работе командующего турецким флотом, германского к.-адм. Сушона (впоследствии в.-адм.), удалось склонить Турцию к участию в войне на германской стороне. Последствиями явились: расщепление согласованного наступления противника на западе, ужасное его поражение

ние в Дарданеллах, полное прекращение подвоза в Россию с юга и ускорение тем самым ее крушения.

Чрезвычайно поучительно рассмотрение деятельности, которая была развита для поднятия непривычных к морю турок на такую высоту, какой требовала морская война, точно так же, как и изучение походов и боевых столкновений, в которых участвовали наши крейсеры самостоятельно или совместно с турецкими кораблями, восстановленными и обученными немцами.

Черное море, лежащее вдали от мировых коммуникаций, никогда не получало у нас той оценки, которой оно заслуживало в соответствии с его большими размерами и политическим значением.

Русский черноморский флот был сильнее турецкого, имея в своем составе дредноуты, быстроходные крейсеры, эскадренные миноносцы и подводные лодки, так что для успехов русских на море имелись все предпосылки. Русские обладали еще одним величайшим преимуществом: важнейший военный материал, без которого не могут действовать ни корабли, ни промышленность, — уголь — доставлялся турками на черноморский театр по коммуникациям, на фланге которых находилась главная русская военно-морская база — Севастополь. Как на Балтийском море подвоз железной руды из Швеции, так на Черном море снабжение углем все время держало морское командование в состоянии напряженной деятельности¹.

Замкнутый в самом себе турецкий морской театр представлял особое своеобразие в том отношении, что через него проходило влияние всех политических и военных факторов на те из причерноморских государств, которые решились на участие в войне лишь позднее, т. е. на Болгарию и Румынию.

Для морского специалиста данный труд представляет интерес еще и потому, что, с одной стороны, на черноморском театре были использованы все наиболее современные боевые средства, а с другой — потому, что несмотря на мизерные средства Турции удавалось на каждый удар противника отвечать достойным образом благодаря величайшему напряжению приданных к турецкому флоту герман-

¹ Автор проводит параллель между питанием германской военной промышленности шведской рудой, обеспечение доставки которой лежало на морских силах Балтийского моря, и снабжением Турции углем анатолийского побережья, без чего германо-турецкий флот и военные заводы Турции были бы обречены на бездеятельность. — Ред.

ских сил. Но и для более широких кругов книга несомненно представит большой интерес. Данный том является совершенно самостоятельным законченным трудом и описывает морскую войну Турции от начала и до конца ¹.

¹ Автор труда, отставной к.-адм. Герман Лорей, участник операций в турецких водах: с апреля 1915 г. по август 1915 г. он состоял командиром линейного корабля *Хайреддин-Барбаросса*, а затем — с ноября 1915 г. по июнь 1917 г. — командиром линейного корабля *Торгут-Рейс*. — Прим. перев.

Всего в 1911 году в России было
выпущено 100 миллионов рублей
всего в 1911 году в России было
выпущено 100 миллионов рублей

Всего в 1911 году в России было
выпущено 100 миллионов рублей
всего в 1911 году в России было
выпущено 100 миллионов рублей

Всего в 1911 году в России было
выпущено 100 миллионов рублей

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРОРЫВ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ДИВИЗИИ В ДАРДАНЕЛЛЫ

Глава I

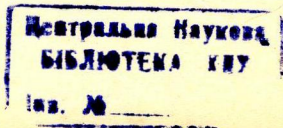
НАЧАЛО ВОЙНЫ. ОБСТРЕЛ АЛЖИРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

755085

Средиземноморская дивизия. Мобилизационные мероприятия. Объявление войны. Первый оперативный приказ. *Гебен* у Филиппивля. *Бреслау* у Боны. Результаты обстрела. Приказание идти в Константинополь. Встреча с английскими крейсерами. *Гебен* и *Бреслау* в Мессине. Поведение Италии. Австрийское морское командование отказывает в помощи. Приказ английского адмиралтейства адм. Милну.

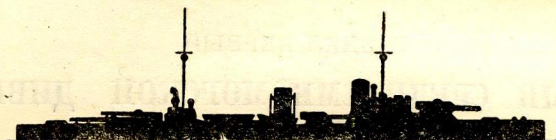
В течение многих лет германский флот был представлен на средиземноморском театре только стационаром в Константинополе—яхтой *Лорелей* (*Loreley*)—и учебными кораблями, плававшими в Средиземном море в течение зимнего полугодия. Зимой 1912 г., во время Балканской войны, когда вследствие холода, холеры, сыпного тифа, скудного довольствия и натиска болгарской армии турецкая чатаджинская оборонительная позиция готова была колебаться и падение Константинополя стало близкой возможностью,—великий визирь подсказал конференции послать мысль о посылке в Константинополь международной эскадры. Такая эскадра и была выделена для защиты своих интересов государствами, подписавшими Берлинский трактат. В Германии согласно приказу кайзера от 1 ноября 1912 г. было начато ускоренное снаряжение но-

2 Г. Лорей.

вейшего линейного крейсера *Гебен* и легкого крейсера *Бреслау* с целью образования «дивизии Средиземного моря». 5 ноября оба корабля отправились по назначению.

Начиная с 23 октября 1913 г., командующим «дивизией Средиземного моря» состоял к.-адм. Сушон. Дивизии был

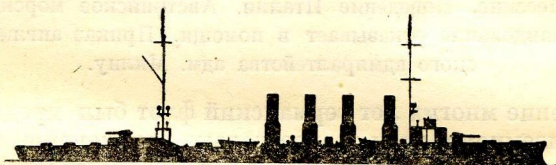

Линейный крейсер *Гебен* (*Goeben*) (1911).

Водоизмещение 23 000 т. Длина 186 м. Скорость хода 29 узлов; вооружение 10—280 мм/50, 12—150 мм/45 12—88 мм/45,4 торп. аппарата. Личный состав 1 013 чел.

подчинен сводный отряд морской пехоты, находившийся в Скутари (Албания) для обеспечения безопасности правительствa принца Виду.

Так как *Гебен* отправился в Средиземное море еще до окончания пробных испытаний и, кроме того, торпедное воору-

Легкий крейсер *Бреслау* (*Breslau*) (1911).

Водоизмещение 4 550 т. Длина 136 м. Скорость хода 27,6 узла; вооружение 12—105 мм/45, 2 торп. аппарата. Личный состав 373 чел.

жение его требовало дальнейших испытаний, а трубки в котлах сильно текли, намечалась его замена в октябре 1914 г. линейным крейсером *Мольте* (*Moltke*). К середине 1914 г. *Гебен* мог надежно держать продолжительное время скорость не выше 12 узлов, в лучшем случае—14 узлов и на очень короткий промежуток времени—20 узлов. При наличии таких скоростей корабль не был боееспособным, ввиду чего на нем был начат предварительный ремонт судовыми средствами. Главным условием для та-

кого ремонта являлось изготовление новых трубок особого образца, которые и были заказаны. После убийства австрийского наследника приходилось считаться с возможностью политических осложнений и связанным с этим полным использованием корабля, поэтому к ремонту крейсера приступила австрийская база Пола, где в работе принимали участие рабочие, присланные с германских судостроительных верфей. К началу войны удалось переменить 4 460 трубок. В первые дни войны на продолжительных переходах *Гебен* мог развивать до 18 узлов, а 4 августа наибольший ход его равнялся 24 узлам (скорость хода на первоначальных пробных испытаниях доходила до 29 узлов; таким образом, достижения корабля далеко не соответствовали его возможностям). Легкий крейсер *Бреслау* находился в полной боевой готовности.

К концу июля *Гебен*, имея на борту командующего дивизией к.-адм. Сушона, стоял в австрийской базе Пола, а легкий крейсер *Бреслау*—в Дураццо, где с него был высажен отряд для охраны принца Виду и германского посла. На случай войны тройственного союза (Германия, Австрия, Италия) против двойственного (Россия, Франция) существовали определенные соглашения о совместном использовании военно-морских сил согласно единому плану и под главным командованием австрийского адм. Гауса. Портом стратегического развертывания военно-морских сил всех трех государств была назначена Мессина. К.-адм. Сушон договорился о подробностях соглашения с адм. Гаусом в октябре 1913 г. в Пола и с итальянским в.-адм. герц. Абрुццким—в декабре 1913 г. в Александрии. В январе 1914 г. Сушон для большей уверенности имел еще одно совещание в Риме с начальником морского генерального штаба. Через морских агентов была достигнута полная согласованность между морскими генеральными штабами Берлина, Вены и Рима, были совместно выработаны сигнальная книга, тактические наставления, шифры и опознавательные сигналы.

В марте 1914 г. к.-адм. Сушон и адм. Гаус установили, что главной задачей морских сил явится воспрепятствование переброске алжирского (XIX) армейского корпуса во Францию. По ходатайству Сушона выполнение этой задачи

было возложено на германские корабли с придачею к ним итальянских легких крейсеров и эскадренных миноносцев. С этой целью крейсера *Гебен* и *Бреслау* встретились 1 августа у Бриндизи и направились в Мессину, куда пришли 2 августа около полудня. Отряд морской пехоты в Скутари получил приказ присоединиться к местным австрийским войскам. В ночь с 1 на 2 августа с получением приказа о мобилизации корабли были приведены в боевую готовность. 2 августа морской генеральный штаб (*Admiralstab*) сообщил об открытии военных действий против России и о неизбежности войны с Францией.

В Мессине *Гебен* и *Бреслау* не только не нашли обещанных итальянских и австрийских кораблей, но итальянские власти первоначально даже препятствовали приемке угля. Однако, к вечеру 2 августа оба крейсера приняли полный запас угля. Н и к а к и х приказаний из Германии начальник дивизии не получал, поэтому он решил на собственную ответственность тотчас же по получении известий об объявлении войны Франции нанести удар по укрепленным пунктам посадки французских войск—Боне и Филиппвилю.

В ночь со 2 на 3 августа оба крейсера вышли из Мессины и направились 17-узловым ходом к точке, находящейся в 20 милях на SW от мыса Спартивенто (Сардиния) (карта 1). В полдень 3 августа командующий дивизией отдал следующий приказ:

«1. Принять предварительные меры для затопления корабля с целью избежать при любых обстоятельствах передачи его в руки противника.

2. Сведения о противнике—смотри радиотелеграммы последних дней¹.

3. З а д а ч а: беспокоить противника, по возможности нанося ему потери в районе алжирского побережья и на коммуникации Бизерта—Тулон с целью воспрепятствовать перевозке войск в метрополию без принятия особых предохранительных мер большого масштаба.

¹ Радиогаммы сообщали, что 2 августа открыты военные действия против России, что в Бизерте делаются приготовления к перевозке войск, что к Каабланке стягиваются войска и что надо ожидать военных действий со стороны английского флота.

4. В ы п о л н е н и е: утром на рассвете (около 4 ч. 30 м.) крейсеру *Гебен* быть у Филиппвиля, а крейсеру *Бреслау*— у Боны и, следуя под чужим флагом (русским), пытаться про- извести разведку той и другой гавани. По поднятии герман- ского флага—уничтожить артиллерийским огнем или торпе- дами неприятельские военные корабли, транспорты и погру- зочные приспособления. Соблюдать экономию боевого запаса, не вступать в бой с береговыми батареями. Уйти из видимости берега *W*-м курсом, рандеву на меридиане Спарти- венто (Сардиния).

Подпись—С у ш о н».

3 августа 18 ч. 19 м. из морского генерального штаба была получена радиограмма о начале войны с Францией. 4 августа в 6 час. *Гебен* под флагом к.-адм. Сушена подо- шел к Филиппвилю. Подход несколько задержался: для наблюдения за двумя подозрительными пароходами, вы- шедшими из порта, пришлось идти малым ходом (карта 1). С 6 ч. 08 м. до 6 ч. 18 м. крейсер обстрелял портовые соору- жения 15-см фугасными снарядами. В 6 ч. 20 м. француз- ская 22-см гаубичная батарея открыла огонь по крейсеру, но попаданий не достигла. *Гебен* отошел затем курсом на *W*; отойдя из пределов видимости берега, крейсер повернул на *NO*. *Бреслау* подошел к Боне на рассвете; маяк горел, и подход прошел без затруднений (карта 1, доп. карта А). За молами находилось несколько пароходов, и *Бреслау*, следуя вдоль портовых сооружений, открыл по ним огонь. Снаряды ложились хорошо. Была также обстреляна сиг- нальная станция, находившаяся к северу от порта в горах, затем стрельба была прекращена. По предварительным сведениям порт имел вооружение из шестнадцати 21-см гаубиц; однако, ответа на обстрел не последовало. В обоих портах стрельбою германских кораблей были нанесены повреждения портовым сооружениям и судам, вызваны пожары и взрывы. В Филиппвиле пострадали также фран- цузские войска¹. Французские радиостанции открыто телеграфировали об обстреле обоих портов и об уходе ко- раблей в *W*-ом направлении. Главнокомандующий фран-

¹ René La Bruyère. «Deux armées de guerre navale».

цузскими военно-морскими силами в.-адм. Буэ-де-Лаперер находился с частью своего флота в непосредственной близости (что *Гебен* и *Бреслау* установили по радиопереговорам). Получив известие из Боне и Филиппвиля и считая Оран и Алжир под угрозой, он направил туда все свои силы и задержал выход транспортов с войсками. Затем, наперекор приказам из Парижа, он из транспортов организовал конвои, которые поручил охране военных кораблей. Вследствие этих распоряжений прибытие XIX армейского корпуса во Францию запоздало на 3 дня¹.

Таким образом, результат смелого набега обоих германских крейсеров оказался довольно значительным.

Еще на походе к алжирским берегам, в 2 ч. 35 м. 4 августа на крейсерах приняли радио из Науена:

«3 августа заключен союз с Турцией. *Гебену* и *Бреслау* идти немедленно в Константинополь. Морской генеральный штаб».

Это важное известие первоначально не отразилось на решениях, принятых командующим дивизией. Теперь же, потревожив неприятеля обстрелом портов и транспортов, можно было приступить к выполнению приказа. Незадолго до подхода к алжирскому побережью радиостанция обнаружила близость французских линейных кораблей *Дантон* (*Danton*) и *Декарт* (*Descartes*)², поэтому нужно было спешить. Превосходство в силах на стороне англичан и французов было подавляющее. Их морские силы состояли из 15 линейных кораблей, 3 линейных крейсеров, множества броненосных и легких крейсеров, 8 флотилий эскадренных миноносцев, подводных лодок и кораблей специального назначения. При таких обстоятельствах было важно прорваться скорейшим и кратчайшим путем, чтобы к моменту выступления Англии быть возможно ближе к Дарданеллам.

Однако, использовать эту несомненно благоприятную обстановку в данный момент было невозможно. Неисправ-

¹ Отчет следственной комиссии адм. Бьенеме, обсужденный в газете «*Dépêche Coloniale*» и других газетах.

² *Декарт*—легкий крейсер.—Прим. перев.

ность котлов флагманского корабля значительно уменьшила район действия отряда, и расстояние до Дарданеллы в 1450 миль не могло быть покрыто без дополнительной погрузки угля нормальным крейсерским ходом и при условии нахождения в боевой готовности (т. е. имея все вспомогательные механизмы под парами). Поэтому Сушон решился на выбор более дальнего (на 50 миль) пути через Мессинский пролив, с тем чтобы в Мессине принять полный запас угля. В то время как *Гебен* направлялся в Мессину, к моменту соединения с *Бреслау* (10 ч. 15 м.) с *Ost* показались английские линейные крейсеры *Индефатигэбл* (*Indefatigable*) и *Индомитабл* (*Indomitable*), шедшие полным ходом на *W* (карта 1). Германские и английские корабли отошли уже друг от друга на дистанцию около 9 000 м (49 каб.), когда вдруг английские крейсеры повернули за *Гебеном* (10 ч. 35 м.). Сушону ничего не было известно о намерениях Англии, кроме содержания радиogramмы, полученной 3 августа в 6 ч. 12 м. и гласившей: «Опасаться враждебных действий со стороны английских морских сил», и сообщения морского генерального штаба от 2 августа о вероятности выступления Англии против Германии; далее 3 августа в полдень он узнал по радио, что 30 июля английский средиземноморский флот принял спешным порядком на Мальте уголь и боевые запасы. Поэтому, когда корабли расходились контркурсами, *Гебен* был готов открыть огонь. Внешне эта готовность ничем не проявилась; орудия оставались в положении «по-походному». Следуя за *Гебеном*, английские крейсеры оживленно вели радиопереговоры и вскоре получили подкрепление в виде легкого крейсера *Дублин* (*Dublin*) и других крейсеров, следовавших вне дальности обстрела. Командующий дивизией стремился отделаться от этих спутников и ни в коем случае не дать им заметить неисправность котлов на *Гебене*. Основным условием удачи прорыва в Дарданеллы он считал сохранение веры в *Гебена*, как в самый быстроходный корабль на средиземноморском театре; поэтому он приказал увеличить ход. Но чтобы осуществить этот приказ, надо было перегрузить уголь из далеко лежащих и трудно достижимых запасных угольных ям. Эту работу выполняла строевая команда боевой вахты, ввиду чего на слу-

чай боя пришлось бы располагать лишь подвахтенными строевыми боевой вахты; поминутно сдавал то один, то другой котел; иногда из строя выходило до трех котлов одновременно, вследствие чего каждый раз происходила потеря пара, угля и котельной воды. Благодаря внимательности прекрасно подготовленной машинной команды удалось избежать несчастных случаев. Только на следующее утро в одной из угольных ям найден был мертвым один из матросов: он умер от переутомления. На очень короткий промежуток времени, преодолев все эти страшные затруднения, удалось достичь 24-узловой хода. Английские источники¹ указывают, что *Гебен*, заново отремонтированный, развил скорость хода, на 2 узла превышавшую его официальную пробную скорость (следовательно, он должен был бы идти со скоростью 31 узел). Однако, графики, основанные на записи числа оборотов в машинном журнале, показывают, что лишь на короткое время поддерживалось число оборотов, соответствовавшее 24-узловому ходу; в остальном же *Гебен* развивал следующие скорости: с 8 час. до 12 час. — в среднем 17 узлов; с 12 час. до 20 час. — в среднем 22,5 узла. Несмотря на то, что по официальным данным английские крейсеры на пробных испытаниях развили до 26 узлов, во время погони они дали значительно меньшую скорость, чем *Гебен*. Англичане объясняют такой плохой результат некомплектom машинной команды и обрастанием подводной части корпуса; однако, у *Гебена* последняя очистка подводной части также имела место 10 месяцев тому назад.

Английские линейные крейсеры понемногу отставали и в 15 ч. 50 м. скрылись из виду; только легкий крейсер *Дублин* еще держался в пределах видимости. Английские крейсеры планомерно пытались оказывать помеху радиопереговорам *Гебена* с береговыми радиостанциями. В 15 ч. 50 м. *Бреслау* полным ходом направился в Мессину, чтобы подготовить для *Гебена* приемку 1 500 т угля. В 21 час видимость ухудшилась, и легкий крейсер *Дублин* потерялся из виду. Вскоре *Гебен* заметил впереди по

¹ Corbett, Naval operations, v. I, стр. 57 (Ю. Корбетт, Операции английского флота в мировую войну, т. I. — Прим. перев.).

курсу эскадренные миноносцы. Прошло несколько минут страшного напряжения, прежде чем выяснилось, что это итальянцы, которые, повидимому, занимались маневрами. *Гебен* уменьшил ход до 15 узлов.

5 августа в 5 ч. 6 м. *Бреслау* стал на якорь на мессинском рейде, а *Гебен*—в 7 ч. 45 м. Последний с 6 ч. 10 м. сопровождался 5 итальянскими эскадренными миноносцами, причем 3 из них шли впереди и 2—в кильватер. Оба крейсера сейчас же начали приемку угля. К 11 ч. 30 м. 6 августа *Гебен* принял с германских пароходов *Генераль* (*General*), *Мудрос* (*Mudros*), *Кеттентурм* (*Kettenturm*) и *Амбрия* (*Ambria*) и с угольных барж фирмы Гуго Стиннес 1 580 *t* угля, а *Бреслау* к 12 ч. 25 м.—495 *t* с германских пароходов *Амбрия* и *Барселона* и с барж фирмы Стиннеса. Уголь, доставленный фирмой Стиннес, частично перегружался с английского парохода *Уилстер* (*Wilster*); уголь этот был предназначен для какой-то английской фирмы, но представителю Гуго Стиннеса, несмотря на протесты английского консула, удалось предоставить его в распоряжение Средиземноморской дивизии. Во время стоянки оба корабля приводились в боевую готовность: весь лишний инвентарь свозился с корабля, удалялось все опасное в пожарном отношении, пополнялись запасы провианта и прочих материалов с германских торговых судов. Для этой цели особенно полезным оказался пароход *Генераль*, подготовленный к отходу в Германскую Восточную Африку. Военно-обязанным личным составом торговых судов некомплект экипажа крейсеров был пополнен до полного комплекта, предусмотренного по мобилизации; кроме того, был открыт прием добровольцев. Несмотря на переутомление личного состава, во время стоянки работы продолжались до последней секунды. Погрузка угля протекала медленно, так как пароходы не были приспособлены для быстрой подачи его. День и ночь стояла безветренная августовская жара. При закрытых иллюминаторах и полупортиках и при прогревых турбинах и вспомогательных механизмах жара во внутренних помещениях корабля становилась невыносимой. Личный состав страдал от пота и грязи. Уже три дня он нес вахту по боевому расписанию; при этом команда то принимала уголь, то перегружала его. Ночью на раскален-

ном корабле матросы и офицеры не получали освежающего сна и падали, как мухи. В полдень 6 августа погрузка угля и другие работы были приостановлены, чтобы дать личному составу несколько часов отдыха; перед уходом команде необходимо было хоть помыться, чтобы приобрести боеспособность и трудоспособность, имея в виду предстоящий бой.

* *
*

До прихода в Мессину к.-адм. Сушон был осведомлен о поведении Англии вышеупомянутыми радио (стр. 23). Вскоре по прибытии в Мессину, 5 августа в 9 ч. 37 м., им была получена радиограмма от морского генерального штаба: «4 августа Англия объявила Германии войну». Имелись сведения, что Италия не примет участия в войне на стороне средневропейских держав. Германский морской атташе в Риме 5 августа телеграфировал начальнику дивизии: «Несмотря на расторжение союза, Италия нейтральна. Надеется этим вызвать нейтралитет Англии. Утверждает, что мобилизация грозит революцией. Морское министерство смущено, отношение к нам пока доброжелательное».

Итальянское правительство с самого начала препятствовало пополнению запасов провианта и угля. Уже 1 августа, т. е. до объявления войны Россией, Италия запретила всем своим портам предоставление топлива и провианта. Если обоим германским крейсерам удалось дважды пополнить свои запасы в Мессине, то этим они обязаны исключительно решительному выступлению, непреклонной энергии и дипломатическим способностям своих офицеров. Переговоры были облегчены тем, что у Сушона с высшим морским начальством в Риме и Мессине были личные отношения, которые он имел привычку завязывать и поддерживать еще в мирное время. 2 августа он получил разрешение от морского министра на приемку угля из немецкого угольного склада Гуго Стиннеса; однако, это разрешение пришло на корабль в столь поздний час, что в этот день его нельзя уже было использовать. 4 августа вечером Сушон сообщил морскому министру, что на следующее утро использует полученное разрешение, но 5 августа снова

возникли затруднения, и лишь в 15 ч. этого дня он получил телеграмму от министра иностранных дел: «угольная погрузка разрешена в последний раз». Итальянское правительство также весьма заблаговременно запретило шифрование телеграмм. Но радиостанции было труднее прибавить к рукам, чем телеграф, и в передаче шифрованных радио не было перебоев.

5 августа в 20 ч. 30 м. на флагманский корабль прибыло 4 итальянских офицера с письмом от коменданта мессинских укреплений. В этом письме комендант напоминал, что согласно нормам международного права стоянка в нейтральной гавани ограничивается 24-часовым сроком, за исключением чрезвычайных случаев. Отвечая коменданту устно и письменно, Сушон изложил свою точку зрения: 1) срок стоянки им учитывается с момента получения разрешения на погрузку угля (т. е. с 15 час. 5 августа); 2) он выйдет из гавани не ранее окончания приемки необходимого количества угля, но не позднее 19 час. 6 августа. В заключение Сушон отметил, что ограничение стоянки в иностранном порту 24-часовым сроком не диктуется международным правом, а является лишь английской точкой зрения; нормальный срок — трое суток.

Сушон не надеялся на помощь союзного австро-венгерского флота. Тем не менее он считал своим долгом осведомить австрийское правительство и морское командование о своем стесненном положении и попросить о вооруженной помощи. 5 августа в 2 ч. 12 м. он передал по радио адм. Гаусу в Полу: «Настойчиво прошу вас как можно скорее выручить *Гебен* и *Бреслау*, находящиеся в Мессине. Английские крейсера держатся у Мессины, французских сил здесь нет. Когда можно ждать вашего подхода в район Мессины, чтобы выйти вам навстречу?» Еще ранее, в 1 ч. 26 м., была послана германскому морскому агенту в Вене следующая радиограмма: «Английские крейсера препятствуют выходу *Гебена* и *Бреслау* из Мессины. Считаю крайне необходимой посылку австрийских кораблей к Мессине. Французы находятся в западной части Средиземного моря». О том же Сушон передал радио в морской генеральный штаб в Берлине, который 5 августа в 9 час. сообщил, что Австрия поставлена им в известность. Первым ответом на запросы

Сушона явилась телеграмма из морского генерального штаба: «Помощь Австрии очень сомнительна», и в тот же день в 21 ч. 25 м. сильно искаженная радиogramма от адм. Гауса, которая так и не была разобрана. Но из нее было ясно, что австро-венгерский флот на помощь не придет. Германский морской агент телеграфировал 6 августа в 14 ч. 30 м. из Вены: «Австрия отказала в помощи, так как помощь опоздает». В письме к начальнику германского морского генерального штаба адм. Полю австрийский командующий флотом пытался объяснить причины, «заставившие его принять несказанно горькое решение и отказать адм. Сушону в помощи и таким образом снять с себя и с австро-венгерского флота тяжелый упрек в том, что последний без особо уважительной причины оставил своих храбрых собратьев по оружию в исключительно критическом положении». Причина, очевидно, состояла в неготовности флота: общая мобилизация началась только 4 августа. Свои силы, состоявшие из 3 линейных кораблей типа *Тегетгоф* и 3—типа *Радецкий*, 2 броненосных крейсеров и около десятка эскадренных миноносцев, адм. Гаус считал недостаточными для встречи с английскими и французскими силами у Мессинского пролива; Австрия еще не объявила войны Англии, но ее помощь германским кораблям была равносильна объявлению войны. Вена вела переговоры с послами враждебных государств и тайла еще надежды на нейтралитет Англии по отношению к Австрии. Адм. Гаус не мог действовать без разрешения своего правительства. Он выставил также и причины военного характера. Понятны также и следующие строчки из письма Гауса к Полю: «попытка помочь *Гебену* привела бы только к гибели двух наших сильнейших дивизий линейных кораблей, ядра нашего флота, и тем самым могла бы только повредить нашему общему делу». Война России была объявлена только 6 августа. Англия же объявила войну 11 августа. При данном ходе событий выступление австрийского флота фактически не отразилось бы на успехе прорыва.

Командующий английскими морскими силами Средиземного моря, адм. Берклей-Милн получил 27 июля от адмиралтейства из Лондона известия о напряженном политическом положении; телеграмма от 29 июля о «близкой

опасности войны» заставила его стянуть свои силы к Мальте и пополнить запасы угля и снабжения.

На следующий день он получил известие, что Италия, повидимому, останется нейтральной и что он не должен уделять серьезного внимания австрийскому флоту до выяснения поведения Австрии. На английские средиземноморские силы возлагалась главная задача—оказывать помощь Франции при перевозке ее африканской армии. Для этого Берклей-Милну рекомендовалось занять господствующую позицию на Средиземном море и принять все меры к вступлению в бой с каждым быстроходным германским кораблем (особенно *Гебеном*), который мешал бы переброске войск. Однако, при данной обстановке ему предписывалось избегать боевых столкновений с превосходящими неприятельскими силами, исключая случая участия в общем бою совместно с французским флотом. 2 августа адм. Милн получил на Мальте известие о критической обстановке; сообщалось, что на нейтралитет Италии можно рассчитывать, что с главными силами ему надлежит оставаться на Мальте, выслав 2 линейных крейсера для наблюдения за *Гебеном*, а крейсера и эскадренные миноносцы—для наблюдения за входом в Адриатическое море, местонахождение *Гебена* и *Бреслау* было неизвестно, но предполагалось, что они или в Таренте, или в Мессине. В этот же день английский адмирал получил предписание войти в связь с французским морским командованием. Эту связь не удалось наладить по радио, ввиду чего Милн выслал легкий крейсер *Дублин* в Бизерту с письмом к французскому адмиралу. Этот случай характеризует состояние радиосвязи между англичанами и французами. Совершенно иное мы видим на германской стороне. Сушон до начала войны постоянно переговаривался по радио с австрийским, итальянским и английским морским командованием. *Гебен* часто помогал и постоянно содействовал связи между многими из средиземноморских радиостанций. Несмотря на постоянную помеху со стороны неприятеля, Средиземноморская дивизия и после объявления войны ни разу не теряла радиосвязи с Германией.

3 августа в 20 ч. 30 м. Милн получил приказ срочно выслать оба линейных крейсера к Гибралтарскому проливу,

чтобы воспрепятствовать *Гебену* покинуть Средиземное море. В этот же вечер он получил известие о начале войны между Францией и Германией. В 17 час. 4 августа пришел приказ: обоим линейным крейсерам принудить *Гебен* к бою в случае атаки последним французских транспортов. Надо заметить, что упомянутые приказы давались адмиралтейством до объявления войны Германии и до предъявления ультиматума. Вечером 4 августа пришло известие, что Англия предъявила Германии ультиматум, срок которого истекал в полночь; второе сообщение, полученное в тот же день в 19 час., гласило, что Италия объявила нейтралитет, и согласно условиям декларации ни один корабль воюющих сторон не имел права входить в пределы 6-мильной полосы территориальных вод. Отсюда адм. Милн сделал вывод, что Мессинский пролив закрыт как для него, так и для Сушона, и последний будет поэтому вынужден следовать на *W*. В 1 ч. 15 м. 5 августа Милн получил предписание открыть военные действия против Германии.